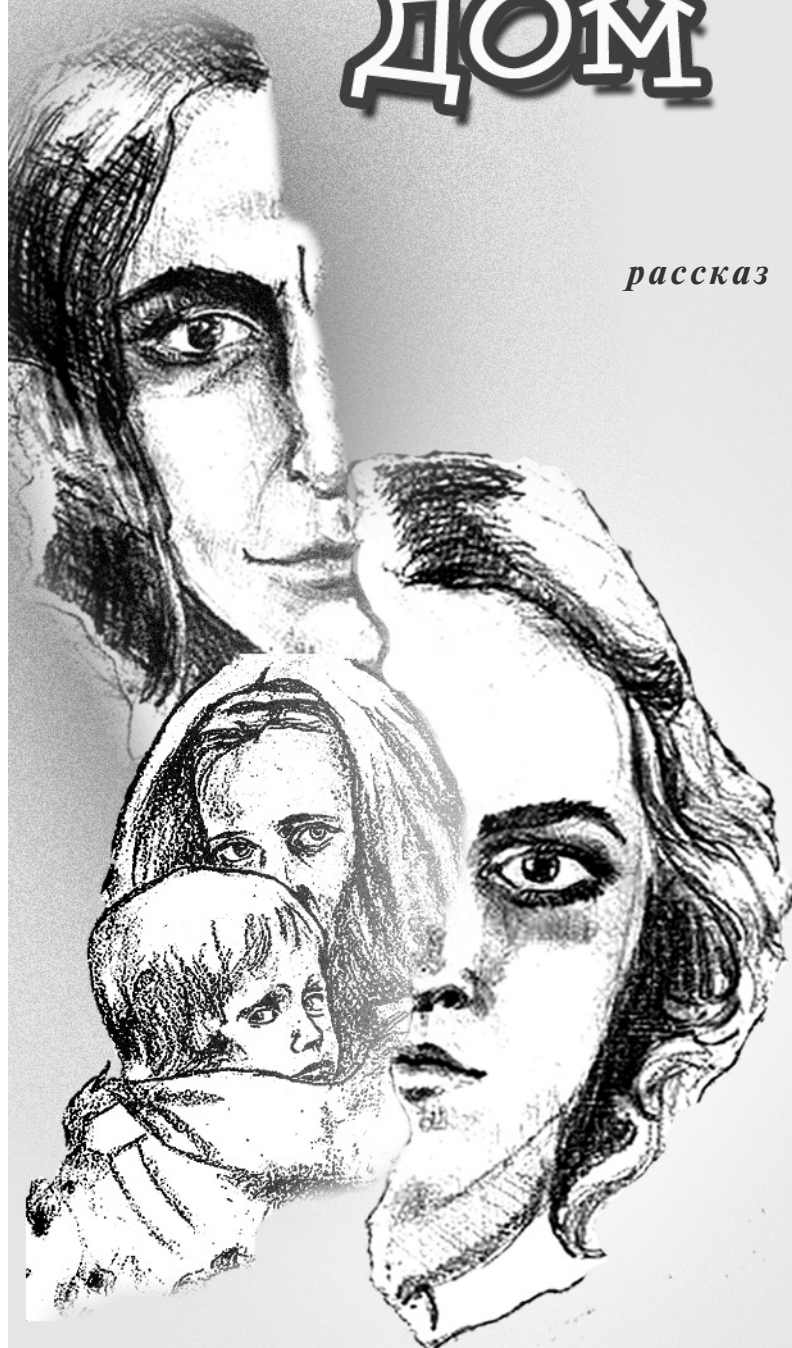

**Ольга
МИШУРОВСКАЯ**
г. Мурманск

КАПИТАНСКИЙ ДОМ

рассказ

Машины пришлось оставить на соседней улице. Старый дом, называемый «капитанским», начали ремонтировать, и во двор было не проехать.

Маша вытащила из багажника два больших пакета. В первом аккуратно сложены контейнеры с едой на два дня. Сегодня это куриный бульон (первую воду обязательно слить, а уже готовый бульон процедить!), паровые куриные котлетки (никакого фарша!), отварная свёкла и творожная запеканка, которую Старуха непременно назовёт или сухой, или непечённой. Во втором пакете — ставший за много лет привычным набор продуктов. Всё нужно было покупать в определённых местах. Маша прекрасно знала, что сейчас содержимое сумок внимательно осмотрят, а потом скрипучий голос недовольно произнесёт: «Масло опять не то. Сколько можно повторять, что сливочное масло нужно брать только в Центральном гастрономе!»

Старуха уже лет пятнадцать не ходила по магазинам, но не желала верить, что вместо Центрального гастронома давно сетевой супермаркет. Она каким-то шестым чувством угадывала, если кто-то отступал от её правил. Тогда сухонькая рука, сплошь покрытая пигментными пятнами, отодвигала принесённое, а сама Катерина Игнатьевна, насколько могла, выпрямляла скрюченную годами спину и горестно вздыхала: «Угробить меня хотите. Никакой благодарности».

С пакетами в руках Маша обошла строительные леса, паутиной покрывающие фасад — кое-где буро-бордовый, где-то уже покрытый свежей штукатуркой. Придирчиво оценивая работу строителей, скользнула профессиональным взглядом по стенам. Ремонт этого дома долго согласовывал комитет, в котором работала сама Маша. Всё-таки памятник культуры, одно из немногих зданий в городе, переживших войну... Тут нужно не просто перекрасить в яркий цвет, а бережно пройти по каждой детали при-

чудливой лепнины — так, чтобы не возникло ощущение новодела, но сохранилась показная пышность сталинского ампира, ставшего за прошедшие годы почти классическим.

Маша представляла, насколько вызывающе великолепно этот дом выглядел в первые годы после завершения строительства, высокомерно взирал он на невысокие деревянные постройки, составлявшие большую часть городских сооружений того времени. Он казался небоскрёбом: семиэтажный, кирпичный, празднично яркий, с замысловатыми балюстрадами маленьких балконов и большими окнами — таким впору распахиваться навстречу жаркому южному ветру, а не северному. Воплощение комфорта — канализация, горячая вода, паровое отопление, — это всё для элиты активно развивающегося портового города, а для обитателей приземистых бараков — недостижимая мечта и символ скорого наступления лучшей жизни.

Именно таким «капитанский» дом впервые увидела Старуха. Тогда, конечно, никакая не старуха, а миловидная, весёлая, любознательная десятилетняя Катя Шиловская. Её отец действительно был капитаном. В середине тридцатых годов его перевели сюда из Ленинграда и дали трёхкомнатную квартиру в недавно построенном доме на главном проспекте. Кажется, тогда семья была большая — шесть или семь человек, но, сколько Маша себя помнила, в квартире всегда жила одна Старуха.

Маша свернула в арку и оказалась во дворе, обычно плотно заставленном автомобилями, а сейчас непривычно пустом. Здесь ремонтных работ ещё не было и по стенам старого дома можно было прочесть его историю. Отвалившиеся куски штукатурки обнажали плотную кирпичную кладку, расходящиеся трещинки придавали потускневшему покрытию благородство античной вазы, один слой краски проступал через другой, наглядно демонстрируя, как рьяно заботились о доме раньше (всё-таки «лицо» города!) и как он постепенно приходил в упадок в постсоветские годы.

Теперь Маша точно знала: ещё несколько месяцев — и всё это исчезнет, дом обновится, засияет свежей краской, глянет на проспект

яркими наличниками окон. Она много сделала, чтобы в городскую программу капитального ремонта попал именно этот дом. Сначала его включать не хотели: уверяли, что он ещё в приличном состоянии, потому может подождать несколько лет. Но Маша настаивала: организовывала комиссии, ссылаясь на исторические факты, сыпала цифрами. Ей почему-то было важно, чтобы к ремонту приступили именно сейчас, хотя и самой себе она не могла бы объяснить такое упорство.

В детстве самым страшным наказанием для них с братом было посещение Старухи. Но как бы хорошо Маша и Коля ни старались себя вести, идти к ней всё равно приходилось: сначала — раз в неделю, потом — два, теперь — каждый день.

Одно из первых детских воспоминаний Маши: морозный солнечный день конца зимы, она лет двух-трёх, неповоротливая в тяжёлой шубе, с трудом шагает в маленьких белых валеночках. Детская ладошка в полосатой варежке держит руку бабушки. Рядом — дед с двумя сумками. Это было в начале девяностых, когда полки в магазинах пустовали, но по дороге дед радостно рассказывал, как ему удалось достать яиц, масла, приличный кусок свиной лопатки и — вот уж повезло! — связку ярко-жёлтых бананов. Дети было нацелились на эти бананы, но бабушка Валя отогнала их: это для Катерины Игнатьевны. Потом, правда, выдала внукам один на двоих продолговатый плод: Коля съел свою половину с восторгом, а Маша пожевала-пожевала и выплюнула.

Она не помнила, как они в тот день поднимались в квартиру, но в памяти ясно отпечаталась картина: Машины бабушка и дедушка, стыдливо опустив головы, стоят на кухне, на столе разложены принесенные ими продукты, а рядом — Старуха (если сравнивать с ней теперешней, тогда она ещё хорошо выглядела). Екатерина Игнатьевна тычет пальцем в кусок мяса и выговаривает: что за гадость ей притащили, ведь каждый нормальный человек знает — покупать нужно только корейку, а лопаткой разве что собак кормить.

Когда была младше, Маша часто негодовала, зачем её семья терпит причуды Старухи, хотя

много раз слышала эту историю. Теперь и сама она пересказывала её пятилетней дочке Асе. Начиналось повествование всегда с рассказа о двух приятелях-одноклассниках — Серёже Шиловском и Коле Котове. Один — сын капитана, другой — простого матроса; в молодом городе, как и в молодом советском государстве, социальное расслоение было признано побеждённым. Они учились вместе всего пару лет, но успели сдружиться. Потом, правда, их дороги разошлись: Сергей уехал учиться в Ленинград, Николай устроился работать в порт. Встретились снова бывшие одноклассники перед самой войной: Сергей успел окончить мореходку, Николай — жениться и даже стать отцом. Дальнейшее изложение вызывало сомнения, но закрепившаяся в рассказах родственников версия утверждала: призвали друзей на фронт в один день в самом начале войны и погибли они год спустя в одно время, хотя и в разных местах: Сергей — здесь, на Севере, Николай — под Севастополем. В это время их город подвергался постоянным бомбардировкам, один из снарядов попал в дом, где жила семья Котовых. Жена Николая Антонина с двухлетним сыном Васей спаслась, но все родные погибли.

«Стою я среди развалин, а вокруг бомбы падают, — слышался Маше тихий голос уже тяжело больной прабабки Антонины. — Мне бы, дурёхе, пригнуться, укрыться, а я побежала. Прижимаю к себе Ваську и бегу, а куда — и сама не знаю».

Немного придя в себя, Антонина вспомнила про семью друга мужа: они с Николаем один раз были у них в гостях до войны. Номер квартиры она, конечно, не помнила, но фамилию знала — Шиловские. Подказали соседи — нашла. Тогда в трёхкомнатной квартире осталась только мать Сергея Агриппина Петровна и его семнадцатилетняя сестра Катя. Молодую женщину с ребёнком не выгнали, накормили, дали одежду и оставили жить у себя, и хотя была у них Тося вместо прислуги, но радовалась и этому.

«Если бы не они, мы бы с Васей погибли», — всю свою жизнь повторяла Антонина. «Шиловские нам кров, еду, одежду дали», — вторил ей сын Василий. «Даже комнату потом выделили, хоть маленькую, но свою», — рас-

сказывала его жена Валентина. «Денег за проживание никогда не брали, а все продукты, что были, делили поровну», — с трепетом произносила их единственная дочь Елена. «Мы должны быть Катерине Игнатьевне благодарны», — говорили уже дети Елены — Николай и Мария — своим детям.

Маша ненавидела бывать у Старухи, зато «капитанский» дом обожала. В детстве ей нравилось представлять, что это сказочный замок, который захватила злая колдунья, и стоит только победить её, как он предстанет во всём своём великолепии. Вместо обветшалых стен Маше виделся великолепный фасад, украшенный не обсыпавшейся лепниной, а настоящими цветами. Девочка не замечала испанских стен подъезда, сломанных перил, сколотых по краям ступеней. Вместо всего этого ей представлялась великолепная парадная зала с витыми коваными лестницами, теряющимися где-то в вышине. Повзрослев, Маша была уверена, что её увлечение архитектурой, ставшее затем профессией, выросло из тех детских фантазий.

Она зашла в лифт, нажала кнопку пятого этажа. Кабинка бесшумно заскользила вверх. Лифт заменили несколько лет назад. Иногда Маша даже скучала по той тесной с распашной дверью «клетке», которая с невыносимым скрежетом трогалась с места. Маша с Колей любили представлять, что это не лифт, поднимающий их к квартире Старухи, а вагонетка, и они движутся в глубь таинственной пещеры, населённой гномами и троллями. Но ездили дети в лифте только с бабушкой и дедушкой, а мама его боялась, поэтому поднималась на пятый этаж пешком.

Маша остановилась перед высокой металлической дверью, перевесила пакеты на одну руку и достала ключ. Раньше дверь была деревянная, на массивных железных петлях, с причудливо вытянутым замком. Но в середине девяностых Старуха вбила себе в голову, что её обязательно обворуют, и дверь пришлось заменить. Она и на сигнализации настаивала, но дедушке Васе удалось её отговорить: сказал, что кто-нибудь из его семьи может забыть код.

«Конечно, забудут, башки у всех дырявые», — пробурчала Старуха, но о сигнализации больше не заговаривала.

Дверь открылась с легким скрипом. Маша вошла внутрь, тут же закрыла её (нечего сквозняки разводите!) и только потом поставила пакеты на ближайший стул. Из большой комнаты, бывшей гостиной, а теперь — спальни Старухи, доносились голоса: работал телевизор.

Маша крикнула:

— Катерина Игнатьевна, здравствуйте! Это Маша.

Из комнаты послышался тяжёлый стук (доскала трость), потом — шарканье.

— Тоська, ты?

— Я, — ответила Маша и тяжело вздохнула.

«Тоськами» Старуха называла их всех: Валентину, Елену и Машу. Дело было не в плохой памяти, она прекрасно знала, кто есть кто, но не считала нужным это демонстрировать. Бабушка Валя рассказывала внукам, как вскоре после свадьбы муж привёл её первый раз к Катерине Игнатьевне. Та лишь мельком глянула на девушку и небрежно бросила ей:

— Тоська, поставь чайник.

Валентина глянула на мужа — тот отвёл глаза. Она покорно пошла на кухню.

Ко всей мужской части их семьи, начиная с дедушки Василия, которому перевалило за семьдесят, и заканчивая четырёхлетним сыном Коли Артёмом, Старуха обращалась «мальчик».

Маша разулась, достала из галошницы свои тапочки — не гостевые, а те, которыми пользовались только члены их семьи. Было слышно, как Старуха, кряхтя и бурча себе под нос, медленно двигается к двери. Мать Маши Елена обычно кидалась ей помогать, в ответ ей летели упрёки: мол, только путается под ногами и считает Катерину Игнатьевну совсем беспомощной. Сама Маша предпочитала ждать хозяйку квартиры в коридоре, это давало ей хоть краткое, но острое ощущение превосходства.

Старухин недовольный голос явился Маше прежде самой хозяйки:

— Нет бы помочь! Всё самой приходится делать. Неблагодарные...

А вот и сама Катерина Игнатьевна: одной

рукой опирается на палку, другой держится за дверной косяк. Маша видела много её фотографий — сделанные в детстве, в юности, в зрелые годы, — но в глубине души отказывалась верить, что человек на этих снимках и есть Старуха. Не могла же улыбающаяся девочка с двумя косичками и куклой в руках скрипучим голосом повторять год за годом: «Делать ничего не умеете, руки у всех из жопы растут». Не верилось Маше и в то, что приятная, почти красивая девушка с модной по меркам пятидесятих годов причёской могла выговаривать Елене, вернувшейся с двумя детьми к родителям: «Ничего удивительного, что от тебя муж сбежал: нос картошкой, ноги кривые, а сиськи — как у коровы вымя». Для Маши Старуха всегда была Старухой: эгоистичной, капризной, грубой. Просто с возрастом её отвратительный характер стал заметнее.

Катерина Игнатьевна, неприветливо глядя на гостью, остановилась в дверном проёме. Всю свою жизнь она была полной, но после перенесённого три года назад инфаркта сильно похудела. Теперь кожа на старческом теле висела складками, которые Маша или Елена тщательно промывали каждые два дня, чтобы не образовывались опрелости. После этой болезни Катерина Игнатьевна сжалась, сторбилась, осунулась, в полной мере напоминая Бабу Ягу. Ася, дочка Маши, рассматривая иллюстрации в детской книжке сказок, даже воскликнула: «Мама, смотри, тут наша Старуха нарисована!»

Одно у Катерины Игнатьевны осталось неизменным — желание хорошо выглядеть. Хотя она много лет не выходила из квартиры и, кроме Котовых, к ней никто не приходил, она каждое утро тщательно одевалась, проводила пуховкой с пудрой по морщинистым щекам, наносила на губы помаду, ругаясь, если ей купили не тот тон. Каждую неделю — маникюр. Раньше кто-нибудь помогал ей дойти по ближайшей парикмахерской, теперь Елена научилась обрабатывать ногти («опять порезала!»), массировать ладони («да не дави так сильно, синяки останутся!») и покрывать желтоватые ногтевые пластины ярким лаком, неизменно выслушивая, что накарсила она их неровно, да и лак совсем не такой, что был раньше.

Катерина Игнатьевна гордилась своим гардеробом. Два раза в год все вещи вытряхивались из шкафов, критически осматривались хозяйкой, после чего возвращались на место, предварительно выстиранные и выглаженные Валентиной Котовой, или выбрасывались. Регулярно Старуха просматривала журналы мод, которые лежали у неё десятилетиями, она отмечала на страницах понравившиеся модели, которые нужно было непременно купить. Нескоро лет назад, это был журнал за 1989 год, Елена пыталась объяснить Старухе, что такого давно не шьют, но потом сдалась. Обзвонила знакомых, побывала во всех комиссиях города, но нашла нужное платье.

Особым ритуалом была проверка мехов. Катерина Игнатьевна внимательно следила, как достают с верхних полок шкафов её шубы и полушубки, выносят их на солнечный свет, дают «подышать», а потом аккуратно складывают в коробки, предварительно проложив мешочками с сухой лавандой и апельсиновыми корками.

Все знали, что ежегодную проверку Катерина Игнатьевна устраивает и своим драгоценностям, но в этом посторонние никогда не участвовали. Если Старуха и просила кого-то принести ей шкатулку с украшениями, то потом обязательно перепроверяла, всё ли на месте. «У мамы в 49-м кольцо с аметистом пропало. Кто ещё мог взять, кроме Тоськи?» — в таких случаях повторяла она словно самой себе, но так, что её слышали все вокруг.

Сейчас на Катерине Игнатьевне была пёстрая юбка в складку и строгая пепельно-серая блуза. На морщинистой шее — коралловые бусы. Волосы почти кокетливо повязаны шарфиком в мелкий горошек. Вроде бы совершенно разные вещи, но, нельзя не признать, на ней они удивительно дополняли друг друга.

Хозяйка квартиры встала прямо, насколько могла, и вскинула подбородок:

— Тоська, ты опоздала, я тебя целый час жду, ничего не ела, желудок уже болит.

Маша пожала плечами: если она и задержалась, пока парковала машину, то всего минут на десять. Она подхватила пакеты и прошла по коридору на кухню.

В «капитанском» доме квартиры были разной планировки: для верхушки плавсостава рыболовного флота — лучше, просторнее, с окнами на две стороны, для среднего звена — меньше, с небольшой кухней и окнами на одну сторону. Капитан Шиловский получил прекрасную по тем временам квартиру: просторная кухня, отдельный санузел, две большие комнаты, выходящие на главный городской проспект, и ещё одна маленькая, пристроившаяся возле уборной.

Маша иногда из профессионального азарта представляла, как бы она преобразила эту квартиру, будь у неё такая возможность. В первую очередь, вынесла бы старую мебель. Антикварных вещей там не было, в основном всё куплено покойным мужем Катерины Игнатьевны в семидесятые-восемидесятые годы. Тогда это был дефицитный товар, который он, врач-стоматолог, «доставал» через многочисленных знакомых, теперь же — просто скрипучая рухлядь. Затем Маша восстановила бы дубовый паркет, положила бы плитку в ванной и туалете: ничего вычурного и броского — шахматная строгость, как и задумывалось изначально. Потом, конечно, окна и двери: никакого пластика, только натуральное дерево — снять слои старой краски, потом выровнять поверхность. Сейчас для этого используют специальную машинку, но в университете, когда у них был курс по реставрации, студентов водили в мастерскую, где реставратор вручную шлифовал деревянное изделие наждачной бумагой — нежно, аккуратно, словно ласкал любимую женщину. Маша представляла себя на его месте, в её воображении наждачка осторожно, но настойчиво перемещалась по поверхности большой двустворчатой двери в гостиную, тщательно обрабатывая каждый резной элемент. Потом выравнивание поверхности, покрытие олифой: хорошо было бы найти из натуральных масел, а не магазинную. Маша могла бы попробовать разыскать такую через знакомых реставраторов или иконописцев.

Ей очень хотелось не просто переделать старую квартиру, а наполнить её новыми силами. Разогнать тени прошлого, стереть воспоминания об обидах, открыть окна настежь, впустить в эти комнаты свежий северный ветер. Чтобы вместо

затхлого запаха лекарств аппетитно пахло ароматной выпечкой, а скрипучий голос, вечно упрекающий кого-то в настоящих или выдуманных проступках, сменился детским смехом.

Маша нечасто позволяла себе такие фантазии — обычно, чтобы отвлечься от тяжёлых мыслей или быстрее уснуть. Тогда она закрывала глаза и представляла себе высокие потолки «капитанского» дома, гипсовую лепнину, широкие подоконники. Она бы восстановила вставки из цветного стекла в межкомнатных дверях, а может быть, даже заказала настоящие витражи. Подобрала бы оригинальные, тридцатых годов, латунные ручки. Маша бы постаралась сохранить очарование квартиры с историей, но, чтобы не превратить её в музей, обставила бы современной мебелью — простой и при этом стильной.

— ...Думаете квартиру себе забрать? — Маша настолько погрузилась в свои мысли, что вздрогнула, услышав за спиной голос Старухи.

В первый миг мелькнула иррациональная мысль: старая ведьма прочитала её мысли! Но Маша быстро взяла себя в руки: это было обычное брюзжание Катерины Игнатьевны.

— А вот дудки вам! — хозяйка квартиры доковыляла до стула и стала следить, как Маша разбирает пакеты. — У меня внучка есть. Всё Катеньке останется.

Семейную историю Катерины Игнатьевны Маша знала как свою собственную. Её дедушка помнил скоропостижную смерть от инфаркта капитана Шиловского вскоре после окончания войны. Его жена и дочь были совершенно потеряны: вроде бы только-только жизнь должна была налаживаться, а вместо этого такое горе. Агриппина Петровна ходила из комнаты в комнату, вполголоса укоряя покойного мужа, что оставил их с Катей одних. Каждый вечер она сообщала Антонине, что переезжает с дочерью в Ленинград, но никаких шагов для подготовки к переезду не предпринимала.

Появление в жизни Кати молодого врача Ильи Лимберга всё решило: после бурного скоротечного романа, который мать полностью пропустила, дочь объявила о скором замужестве и грядущем материнстве. Агриппина Петров-

на жаловалась Антонине, что не о таком зяте она мечтала и, если бы муж не покинул их, Катенька сделала бы лучшую партию. Но Илья Ильич быстро занял в доме место, которое раньше занимал капитан Шиловский, — мудро-го мужчины рядом со слабыми женщинами.

— Какой он был человек? — Маша и Коля спрашивали дедушку о Лимберге.

— Хороший. Математикой со мной вечерами занимался, потом помог нам с матерью комнату в коммуналке получить, а когда мы с вашей бабушкой поженились, квартиру отдельную выбил.

— Зачем же он тогда на Старухе женился?! — удивлялся Коля.

Василий Николаевич только пожимал плечами.

В 1960 году Агриппина Петровна решила умирать. Она отказывалась вставать с постели, почти не ела, то и дело повторяя, что жить ей осталось считанные дни. Все врачи, которые её осматривали, уверяли: ничего серьёзного нет, все изменения согласно возрасту. Но с постели Агриппина Петровна действительно не встала, хотя прожила потом ещё восемнадцать лет. Ухаживали за ней зять и Антонина Котова. Дочь она к себе не подпускала: «Катенька слишком хрупкая для такого». Антонина и Илья Ильич мыли Агриппину Петровну и уговаривали её поесть, читали ей вслух и убеждали принять лекарства. К концу жизни её сознание помутилось: то Агриппине Петровне казалось, что ещё идёт война, и пожилая женщина начинала плакать от страха, то звала покойного сына, то снова принималась укорять мужа в его ранней смерти.

Когда стало понятно, что дело идёт к концу, Катерину Игнатьевну отправили в санаторий. Возле умирающей дежурили зять и Антонина. Илья Ильич с трудом нашупал пульс и устало покачал головой, мол, скоро, но ещё нет. Антонина всхлипнула и утёрла рукавом кофты слёзы.

Тут Шиловская тихо, но чётко произнесла:

— Тося, погладь на завтра моё синее платье и приготовь Катеньке олады — она их любит.

Антонина инстинктивно подскочила, готовая бежать выполнять указание. Но Илья Ильич жестом остановил её. Ещё пара земных минут — и Агриппина Петровна скончалась.

Фотографий единственного сына Альберта в квартире Катерины Игнатъевны было множество: очаровательный мальчик с ямочками на щеках и пластиковым зайцем в руках, строгий школьник с алым пионерским галстуком, спортивного вида юноша в компании друзей, красивый молодой человек в ультрамодной кожаной куртке на фоне Медного всадника. Последний снимок — свадебный: жених строго смотрит прямо перед собой, невеста — намного младше него — выглядывает из-под тюля фаты и прикрывает руками заметное округлившийся живот.

Катерина Игнатъевна про сына говорила мало, зато бабушка Валентина, если была не в духе, любила посплетничать о нём. От неё внуки знали, что Альберта отправили учиться в Ленинград, но он с трудом окончил морское училище. Родителям удавалось устраивать его в хорошие заграничные рейсы, пока сын не начал пить. Они надеялись, что брак и рождение дочери, которую в честь бабушки назвали Катей, заставит Альберта взяться за ум.

«Ничего подобного! — восклицала Валентина Котова, и Маша с удивлением видела на лице своей доброй и чуткой бабушки откровенное злорадство. — Он продолжал вести жизнь холостяка, мог по нескольку дней не появляться дома, семьёй совершенно не интересовался. Жена помучилась несколько лет и уехала с дочерью к своим родителям в Подмоскowie. Мне кажется, Альберт и не заметил их отъезда. Но, — тут бабушка Валя делала скорбное лицо и даже иногда крестилась, — о мёртвых плохо не говорят».

За могилами Шиловских теперь тоже ухаживали Котовы. Катерина Игнатъевна лет десять не была на кладбище, но требовала отчёта: поправили ли ограды, подкрасили ли буквы в именах, всем ли положили цветы. Последний раз Маша с братом и мамой приезжали туда весной. Снег только стаял, прошлогоднюю траву они убрали, новой ещё не было, и четыре надгробия, казалось, теснее прижимались друг к другу, словно стеснялись своей неприкрытой зеленью наготы. Капитан Шиловский рядом с Агриппиной Петровной, могила Альберта, на следующий день после своего сорокалетия въехавшего на машине в дерево, и его отца, через четыре года медленно угасшего от рака.

Коля помнил, как он ходил с бабушкой и бабушкой в больницу к Илье Ильичу. Из-за общего отчества мальчик был уверен, что этот лысый бледный старик брат Ленина и скоро его тоже положат в мавзолей. Ещё он хорошо запомнил поминки после похорон доктора Лимберга. Мама, бабушка Валя и прабабушка Тося всё время плакали, даже дед смахивал слёзы, а Старуха сидела за столом строгая и спокойная. К ней подходили люди, что-то говорили, она кивала. А потом громко так сказала: «Тоська, холодец пересолен».

Про внучку Катеньку Маша слушала всю свою жизнь, хотя ни разу её не видела. Но с бабушкой они связь поддерживали, потому что Катерина Игнатъевна регулярно сообщала о достижениях внучки: Катя прекрасно учится в школе, знает два иностранных языка, поступила в МГУ, удачно вышла замуж, прожила с мужем три года за границей, родила чудесных девочек-близнецов.

Маше иногда казалось, что Катерина Игнатъевна выдумала эту идеальную внучку, но, когда Старуха попала в реанимацию с инфарктом, Елена Котова разыскала в записных книжках густо обведенный ручкой номер телефона, подписанный «внучка Катюша». Ответил приятный женский голос: Катя выслушала Елену, пожелала бабушке скорейшего выздоровления и отказалась приехать. Они договорились, что внучка позвонит заведующему отделением и договорится, чтобы Котовых как дальних родственников пускали к больной.

Маша разобрала сумки, разогрела обед Катерины Игнатъевны, убрала остальные контейнеры с едой в холодильник. Старуха продолжала за что-то её отчитывать, но Маша не слушала. Попадая в «капитанский» дом, она давно научилась сосредоточивать внимание на повседневных делах, отключая для себя голос хозяйки квартиры.

К сожалению, её мама Елена так не умела. Она до сих пор остро реагировала на все замечания Катерины Игнатъевны, часто выходила от неё в слезах. Основания для придинок Старухи оставались неизменны уже много лет: внешность Елены, её неудавшийся брак, до сих пор неустроенная личная жизнь и неумение делать

всё так, как хочет Катерина Игнатъевна. Казалось бы, Елена давно должна была выработать тактику отпора, но она терялась от грубых слов, обижалась, начинала оправдываться.

Маша давно заметила, что Старуху такое поведение только ещё больше раззадоривало. Возможно, в её замкнутой стеной квартиры жизни это было второе после телевизора развлечение. Она умело нащупывала слабые места человека и беспощадно давила на болезненные точки. Ни Маша, ни Коля, ни их бабушка с дедушкой на эти провокации старались не поддаваться, зато Елена послушно играла по установленным Старухой правилам. Иногда, наблюдая за ними, Маше приходила в голову мысль: её матери по-своему нравиться выступать в роли жертвы — это даёт право жалеть себя и без осуждения близких переживать заново случившийся больше двадцати лет назад развод.

Маша поставила перед Катериной Игнатъевной тарелки, положила салфетку и включила ей телевизор на любимом канале.

— Слишком горячо, я обожглась, — проворчала Старуха, даже не прикоснувшись к еде.

— Сейчас остынет, — ответила Маша, отвернувшись к окну.

Сегодня дел в квартире было немного: вымыть посуду и прибраться. Маша повязала передник, собрала в раковину грязные тарелки и чашки, включила горячую воду. Взгляд упёрся в кафельную плитку кухонного фартука. Если бы Маше дали здесь всё переделать по своему усмотрению, она бы поместила раковину возле окна: оно выходит во двор, на детскую площадку и ряд невысоких рябин. Маша представляла, как можно было бы заниматься домашними делами и поглядывать в окно на играющую во дворе дочку.

Маша домыла посуду, выключила воду.

Снова стало слышно монотонное бурчание Катерины Игнатъевны:

— ...Ничего не умеют, все тарелки мне побили, а они ещё из мамино сервиза, сейчас таких не делают.

Маша знала: хозяйка квартиры обращается не к ней лично, а продолжает свой собственный бесконечный монолог. Иногда ей казалось, что Катерина Игнатъевна и оставшись

одна не прекращает жаловаться кому-то на свои горести.

В семье Котовых не было единого мнения, в своём ли уме Старуха. Елена уверяла, что та всё прекрасно понимает и ей доставляет удовольствие изводить окружающих. Валентина не соглашалась с дочерью: по её мнению, Катерина Игнатъевна давно потеряла связь с реальностью. Маше казалось, что чаще всего та вполне разумна, даже хитра, но временами ей настолько тяжело переносить собственное одиночество, что иллюзорный мир прошлого становится единственным спасением.

Маша пошла в ванную комнату. Позади послышались тяжёлые шаркающие шаги Старухи. Теперь Катерина Игнатъевна будет следовать за ней по пятам, зорко следя — а после операции по удалению катаракты зрение у неё было отличное — так ли Маша убирается и не прихватила ли чего из хозяйских вещей.

— ...Тоська со своим пацаном ночью прибежала, почти голая, никаких вещей, — говорила Катерина Игнатъевна, усевшись на банкетку в коридоре. — Мама ей у нас разрешила остаться, кормили-поили их, даже папин костюм отдали перешить, когда мальчишке не в чем было в школу пойти. И чем она нам отплатила? Украла мамино кольцо! Неблагодарная! Все неблагодарные!..

В ванной комнате Маша натянула резиновые перчатки и достала чистящее средство. Нежно провела рукой по пожелтевшим кафельным плиткам на стене: когда-то они были белые, но теперь даже старательной бабушке Валентине не удавалось их отчистить. Машу с детства притягивала огромная чугунная ванна на изогнутых ножках. Дедушка рассказывал, как раз в неделю её наполняли и он, маленький, долго сидел в горячей воде, которую мать подливала не из крана, а из нагретого чайника. Ребёнком он легко мог уйти под воду полностью, даже поплыть — настолько ему было просторно в той ванне. Несколько лет назад все трубы и смесители заменили, но ванна осталась. Маша уговорила деда её не менять, ведь это настоящая редкость сейчас, да и состояние хорошее, нужно только покрыть новой эмалью. Она сама нашла мастера, обговорила с ним детали и теперь, заходя в ванную комна-

ту, с удовольствием любовалась: маленькая фантазия Маши стала реальностью.

Она нанесла чистящее средство на внутреннюю поверхность ванной, начала тереть её хозяйственной губкой. Нужно хорошо всё почистить — завтра «банный» день.

Чтобы помыть Катерину Игнатьевну, требовалось несколько человек: помочь дойти до ванной комнаты, раздеться, не спеша опустить в тёплую воду грузное тело, намылить его, приподнимая и обрабатывая складки кожи, когда-то обтягивающие пышную фигуру, затем аккуратно вымыть старухину голову. И всё это в сопровождении недовольного голоса Катерины Игнатьевны: вода то очень холодная, то горячая, трёшь мочалкой то слишком сильно, то недостаточно, шампунь в глаза попал, мыло не такое купили. Вымыв Старуху, ей помогли подняться на ноги, надеть халат и звали Колю, чтобы тот на руках вынес из ванной комнаты. Сама она, распаренная и уставшая, сделать этого не могла. Пока Катерина Игнатьевна отдыхала, Маша или Коля снова чистили ванную, а Елена заваривала хозяйке квартиры чай. Потом ей сушили волосы и накручивали их на бигуди. Елена делала маникюр, а раз в месяц обрабатывала старческие ноги.

Маше нравилось это послебанное время: Катерина Игнатьевна была расслабленной, благодушной, сонной. Даже её недовольное бурчание на время прекращалось, и лишь изредка она бросала фразы, не обращая ни к кому конкретно: «Тоська, тянешь сильно, волосы мне вырвешь» или: «Мальчик, принеси варенье».

После водных процедур Катерина Игнатьевна быстро засыпала. Коля переносил её на кровать, накрывал одеялом. Маша несколько раз ловила себя на том, что прислушивается к слабому старческому дыханию, но так и не смогла ответить себе: боится ли она однажды не услышать его или надеется, что это произойдёт как можно скорее.

Закончив уборку ванной, Маша переместилась в комнату. Старуха последовала за ней, устроилась в кресле и оттуда наблюдала, как та протирает пыль, пылесосит, моет пол.

Из трёх комнат «капитанской» квартиры теперь использовалась только одна. В остальных

стояла ненужная уже мебель, старые книги, коробки с вещами Ильи Ильича и Альберта.

Маша не знала, заходит ли Старуха туда, но иногда представляла себе, как Катерина Игнатьевна стоит среди этих вещей — свидетелей её почти прошедшей жизни, и сама она уже скорее часть прошлого, чем настоящего.

Маша замерла посреди комнаты с тряпкой в руках. Что-то было не так, чего-то не хватало. «Старуха замолчала!» — с удивлением поняла она.

Катерина Игнатьевна сидела в кресле и пристально смотрела на неё.

— Маша, сколько тебе лет? — громко спросила она.

Молодая женщина удивлённо уставилась на пожилую, потом, запинаясь, ответила:

— Тридцать... будет в сентябре.

— Хорошо выглядишь. Только волосы в жуткий цвет выкрашены, — Катерина Игнатьевна откинулась на спинку кресла, наслаждаясь произведённым эффектом.

Маша несмело подошла, опустилась на пол перед хозяйкой квартиры.

— Вы знаете, кто я, Катерина Игнатьевна?

Старуха усмехнулась:

— Конечно, внучка Васьки. Ты на Тоську похожа, надеюсь, не такая дура, какой она была.

Маша сидела тихо, боясь, что любое неосторожное движение может прервать Катерину Игнатьевну. Она говорила твёрдым голосом, ни разу не сбившись, будто много раз повторяла эту историю. Может, так и было, и эти слова уже звучали среди её постоянного внутреннего монолога.

— ...Всю войну мне было страшно. Часто уверяют, что со временем привыкаешь и к бомбёжкам, и к пулям, и к близости смерти, но у меня такого не было. А город бомбили постоянно, ещё бы — рядом порт. Я всё ждала, что вот сейчас очередная бомба упадёт на нас: если не эта, то следующая... И они падали, но каким-то чудом лишь слегка задевая дом. После очередной сильной бомбёжки на пороге квартиры появилась Тоська со своим мальчишкой. Мама приняла их: беда общая — пусть живут...

Маша видела много архивных кадров, знала, как выглядел город в те дни: среди торчащих зубами печных труб руины, тянущиеся до са-

мого залива, лишь кое-где виднеются отдельные уцелевшие постройки. Есть там и снимок пожара в «капитанском» доме. Квартира Шиловских тогда не пострадала, но Маша могла представить себе ужас юной Кати, день за днём ожидающей, что беда придёт и к ним.

— ...Когда начался тот авианалёт, мама была на службе. — Катерина Игнатъевна прикрыла глаза, возвращаясь в прошлое, которое теперь ей казалось реальнее настоящего. — Завыли сирены, я схватила узелок с вещами, который у нас всегда был собран на случай тревоги. Я была уже у входной двери, когда поняла, что Тоська с мальчиком не бегут со мной. Бросилась к ним в комнату и вижу, как эта дура сидит на кровати, голову руками закрыла и раскачивается из стороны в сторону. Пацан рядом, ревет, тянет её за юбку. Я узелок бросила, тряску Тоську — она вроде бы пришла в себя, встала, пошла за мной. А на улице, как стали слышаться удары бомб вдалеке, словно остолбенела. Я её тяну за руку — не идёт. Зову — молчит и воет только, как дикий зверь. Мне самой страшно, тоже реветь хочется. Я схватила мальчишку на руки и бросилась к бомбоубежищу. — Катерина Игнатъевна махнула рукой в сторону: — Это недалеко, но ведь ещё добежать нужно, да с ношей на руках. Оглядываюсь — Тоська на том же месте стоит. Ну, думаю, умирай, раз такая дура! А сама всё оглядываюсь: вдруг она пришла в себя и догоняет нас. Нет, стоит. Добежала я до бомбоубежища, сунула мальчишку кому-то и бросилась обратно. Бегу и ругаю себя: тоже вот дура, погибнешь из-за этой идиотки! Тоська так с места и не сдвинулась. Я обхватила её руками, мы обе вжались поглубже в выступ стены и стояли так, пока не кончился налёт. Мне так страшно было, казалось, вот-вот — и всё, конец! Но я продолжала закрывать собой эту дуру, ругая её и злясь на саму себя. И матери потом ничего не рассказала: она бы прогнала Тоську, узнай, что я из-за неё едва не погибла.

По щекам Маши текли слёзы. Она взяла морщинистую руку пожилой женщины, накрыла её своей ладонью, словно могла спустя столько лет защитить или утешить напуганную Катю Шиловскую. Маша почувствовала ответное пожатие: всего несколько секунд — и Катерина Игнатъевна отдернула руку.

— ...Знаешь, как Тоська отплатила моей маме за всё добро? Чёрной неблагодарностью! Она украла её кольцо с аметистом.

Теперь хозяйка квартиры нависала над сидевшей на полу Машей, и та мигом почувствовала себя маленькой девочкой, которая видит в Катерине Игнатъевне злую ведьму и боится ещё сильнее. Тем не менее Маша запротестовала, но в её голосе появились не свойственные ей робость и заискивающие нотки. Она уверяла, что Антонина никогда бы ничего не взяла у Шиловских, у неё и украшений не было, — Маша повторяла то, что много раз до неё говорили мама, бабушка, прабабушка.

— ...Тоська взяла мамино кольцо, — упрямо твердила Катерина Игнатъевна. — Я сама её заставила это сделать. Мне нужны были деньги... Не твоё дело на что. Свои украшения я продать не могла — муж бы заметил. И мамыны не смогла бы взять — это воровство. А Тоська смогла и принесла мне. Неблагодарная! Украсть у человека, который ей так много добра сделал!

Сжавшись, будто через поколения Маше передалось горькое чувство приживалки и желание прабабки быть как можно более незаметной в этом доме, она слушала Катерину Игнатъевну, закрыв лицо руками. Маша остро почувствовала свою вину, зная, что любое наказание — заслуженное.

— Я знала, что она украдёт, — слова пожилой женщины звучали как будто из уст судьи, который выносит приговор: «Виновна. Виновна!»

Маша с трудом оторвала руки от лица и посмотрела на Катерину Игнатъевну. Во взгляде пожилой женщины ясно читалось презрение:

— ...И сын Тоськи украл бы, и его жена, и их толстуха-дочь. Я всё смотрела на тебя и думала: «А украла бы ты?» Раньше мне казалось — нет, не стала бы, смогла бы дать мне отпор. А теперь уверена: ты такая же.

Маша отшатнулась от Катерины Игнатъевны, будто та наотмашь ударила её по лицу. Хозяйка квартиры отвернулась от неё, включила телевизор и, не глядя на Машу, приказала:

— Домывай пол, Тоська. И под столом хорошо протри, вечно там пыль остаётся.

Спустя полчаса Маша закончила уборку и, не прощаясь, вышла из квартиры. Пошатываясь, спустилась на улицу. Голова кружилась, руки подрагивали — за руль ей в таком состоянии нельзя. Она свернула в арку, не замечая сигнала светофора, перешла на другую сторону и зашла в кафе. Заказав чашку чёрного кофе, села так, чтобы не видеть «капитанский» дом, хотя и ощущала его позади себя. Сколько раз она поражалась: как же это он не был разрушен во время войны?! Но сейчас Маше хотелось, чтобы в одну из бомбардировок много лет назад бомбы угодили в «капитанский» дом. Тогда её прабабушка Антонина не пришла бы к Шиловским, не пронесла через всю свою жизнь благодарность, больше похожую на рабскую покорность, и не передала её своему сыну, внучке, правнукам.

Выходя от Катерины Игнатьевны, Маша клялась себе, что не вернётся сюда. Она представляла, как позвонит внучке Кате и потребует, чтобы та сама ухаживала за бабушкой. И с наслаждением Маша воображала, как на ожидаемые протесты ответит: «Моя семья вам больше ничем не обязана».

Но сейчас она уже точно знала, что не сможет так поступить. Завтра суббота, и утром она, мама и брат Коля поедут к Старухе. Но никогда она больше не приведёт в ту кварти-

ру свою дочь или племянника — это уже не их история.

Маша встала из-за столика, расплатилась за кофе и пошла к своей машине. Возле неё остановилась и ещё раз посмотрела на «капитанский» дом. Ремонтные работы продвигаются по плану. Скоро строительные леса уберут, и он, величественный, монументальный, ярко сияющий свежей краской, будет, как и прежде, взирать на проспект.

Маша припомнила, что видела объявление о продаже квартиры в этом доме: через подъезд от Шиловских, тоже на пятом этаже. Они с мужем давно обсуждают, что у Аси должна быть отдельная комната, а у них — спальня, можно сходить посмотреть этот вариант.

Маша села в машину и поехала в сторону дома, обдумывая, какие обои она купит в свою будущую гостиную.

□

Ольга Станиславовна МИШУРОВСКАЯ

родилась в Мурманске.

Пишет прозу, драматургические произведения.

Публиковалась в областных изданиях (газеты, сборники),

а также на литературных Интернет-ресурсах.

Лауреат литературной премии

губернатора Мурманской области

имени К. Баёва и А. Подстаницкого

в номинации «Драматургия» (2008).

В журнале «Север» публикуется впервые.

